

ТЕКСТ КАК ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ

© 2006 А.А. Припадчев

Воронежский государственный университет

Теоретическая основа статьи заключается в понимании текста как панхронического обращения языка в речь через нейтрализацию – основной текстообразующий процесс.

В этапах теоретического осмысления материала предусматривается переход от герменевтики к лингвистике и семиотике текста.

Герменевтика, включая прагматику и восприятие [4, 265-482], востребовала смыслы текста, что вызвало эффект равной целесообразности всех слов в тексте. Но из-за текучести и индивидуальности авторских и читательских смыслов в зонах мотивации, целеполагания и восприятия параметры системности [9, 98-152] средств их выражения через структуру [6, 8-91], отношения и функции не распознаются. Необходим переход на новый уровень теории – на уровень лингвистики текста.

Лингвистика текста [8] востребовала семантику и прежде всего древнюю функционально-семантическую категорию пространства. Семантически все слова текста распадаются на три блока: серии релятивов (частицы, местоимения, союзы и др.), серии их индукторов (полнозначные слова речевого окружения релятивов) и не-серии (разрозненные релятивы и полнозначные синтаксемы). У них разные функции: серии маркируют текст как целое, что подключает термин “текстообразующие единицы”. Не-серии его как целое не маркируют, что приобщает термин “структурообразующие единицы”.

Семантика выявляет, что словесные ряды текста не равно целесообразны. Серии показывают себя изменчивыми, не-серии – устойчивыми. Это подключает термины “вариант” и “инвариант”. Но параметры системности элементов как серий-вариантов, так и не-серий-инвариантов через структуру, отношения и функции по-прежнему не отчетливо распознаются. Необходим переход еще на один уровень теории – на уровень семиотики текста.

Семиотика [1, 69-96; 10, 98-175] текста востребовала значимости его элементов. Семиотически серии релятивов, полнозначных слов и не-серии расчленяются на два блока: серии со сходным означиванием и не-серии с различительным означиванием. На этом этапе приобщаются термины “речь” и “язык” [3, 12-20; 7, 54-60]. Реальная системность серий по параметрам структуры, отношений и функций распознается. Не-серии обнаруживают несистемность в границах конкретного текста, но остаются в зоне потенциальной, моделируемой языковой системы.

Анализом конкретного произведения – повествования о Варламии – проиллюстрируем обращение языка в речь в поле их взаимодействия – тексте.

С точки зрения происхождения композиционные формы как речевые фиксации разных коммуникативных ситуаций, видимо, древнее жанровых форм. Однако в плане синхронии по устойчивости речевых сфер и композиционной значимости более сложившимися в древнерусском выступают жанровые формы речи.

Способы и средства текстообразования последних могут повторяться в композиционных формах. Но в целом репертуар их текстообразующих величин специфичен. Поэтому текстовые особенности композиционных форм требуют специального рассмотрения.

бжствънныи же варламии снъ иоана болярина. игоумень же манаствря стго мчка дьмитрия. иже възгради холубивыи князь изяславъ. иде въ стьи градъ иероусалимъ. таче похидивъ стая та места възврати ся въ свои манастврь. и пакы по времени некоторемъ иде въ костянтинъ градъ и тоу тако же походи вся манаствря. и искоупивъ еже на пользу манастврю своему. и тако поиде на конихъ въ страну свою. идыи же поутъмъ и оуже въ странахъ своихъ си. въпаде въ недоугъ лютъ. таче яко доиде града володимирия. въниде въ

монастырь той соуции близъ города. иже наричюти и стая гора. той же оустне съ миръмь. [Успенский сборник XII–XIII вв. М.: Наука, 1971. – С. 95.]

В историческом плане повествование о Варламии демонстрирует *темпоцентрическую* организацию семантического пространства. Она выступала ведущей в жанровой форме чуда, представляясь хронотопом “*и-се*” и темпоративом “*и*”. Оставаясь значимым и для повествования, этот способ получает иную речевую версию.

Центрация моментом прошедшего времени в тексте о Варламии начинается с использования частицы “*же*”, обозначающей вертикальные отношения уточнения (актуализации) лица в тематической зоне синтагм:

бжствьньи – *же* (Варлабий),
игоумень – *же* 0,
идьи – *же* 0.

В левой части цитаты присутствуют формы разной категориальной семантики: признаковости (*бжствьньи*), субстанциональности (*игоумень*), признака по действию (*идьи*). Они относятся к неодинаковым частям речи: прилагательному, существительному и гибриднему глагольно-именному причастию.

Наряду со специфическими комментируемые образования имеют и сходные характеристики. В их число входят синтаксемные [5] признаки мужского рода, единственного числа и именительного падежа.

Названные общие и особенные семы словоформ относятся к их собственным значениям. Они во многом замкнуты на горизонтали текста и существенны для структурообразования.

Вертикали же текста делегируются релятивные семы лица и действователя ранга класса активных номинаций. Благодаря им из разных частей речи формируется вертикаль текста.

Однако релятивное значение лица в описываемом повествовании в полной мере не раскрывается. Этому препятствует тождественность номинируемой реалии. Ею для всех форм оказывается один субъект – *варламии*.

Очевидно, в силу моносубъектности вертикальный ряд класса активных имен лица ограничен двумя образованиями: *бжствьньи* и *игоумень*. В полисубъектных повествованиях он может расширяться.

Релятивная семантика лица приведенных имен маркирует реальное пространство текста. Но употребление этих форм в номинативе свидетельствует о подключении к текстоформи-

рованию еще одной релятивной семы ранга подкласса активных [2, 267-368] номинаций – значения действователя.

Вместе с тем в повествовании о Варламии именительный глубоко не проник в вертикаль текста. Ряд его воспроизведений ограничен тремя формами: *бжствьньи*, *игоумень*, *идьи*. Следовательно, конкретизируя значения лица в действователе, номинатив не проявляет широких текстообразующих способностей.

Для преодоления слабых текстовых возможностей малорелятивных сем лица и действователя писец использует в теме синтагм еще одно средство построения вертикали текста – частицу “*же*”, находящуюся в правой стороне цитаты. В развитии она утрачивала архаическое значение пространственного дейксиса (гот. *mi-k* – “меня”) [11], постепенно приобретала вторичную темпоральную семантику (чеш. *kdy-ž* – “когда”).

В описываемом тексте релятив “*же*” предстает достаточно специализированным текстовым темпоративом. С помощью актуализирующей функции он “преодолеывает” локальную конкретность значений лица и действователя и стремится организовать их предъявления в модусах вертикального текстового времени “сначала-затем-потом”.

Однако релятиву “*же*” удается “увлечь” в вертикаль повествования всего лишь три номинации: *бжствьньи*, *игоумень*, *идьи*. Раскрытию его текстоформирующих возможностей мешала все та же соотношенность с одним и тем же лицом – *Варламием*.

Кроме того, этому не способствовала ориентация “*же*” на малые “шаги” во времени, то есть расположение актуализируемых реалий по принципу близкодействия. Так, синтаксемные “*бжствьньи*” и “*игоумень*” находятся в одной строке и связаны отношениями уточнения. Мало того, в более широком контексте они уравниваются по синтаксической функции, выступая согласованным (*бжствьньи варламии, варламии игоумень*) определением.

Наконец, частица “*же*” оставалась предъявителем по большей части смыслового уровня темпоральности. В полной мере специализированным средством выражения вертикального текстового времени она не являлась.

Для доработки выстроенности текста автор прибегает к более специализированным для древнерусского средствам, в число которых включаются и нулевые “инициаторы” темы:

таче – *походивъ*,
и пакы – *по времени некоторемъ*,

и – *искоупивъ*,
0 – *идьи же*,
и тако – *поиде*,
таче яко – *доиде*.

Компоненты правой стороны цитаты представляют собой разные по частеречным, синтаксическим и отчасти лексическим характеристикам формы: *походивъ*, *искоупивъ* – краткие причастия действительного залога, прошедшего времени, м. р., ед. ч., И. п.: *поиде*, *доиде* – глаголы изъявительного наклонения, прошедшего времени – аористы, 3 лица, ед. ч.; *по времени некоторемъ* – сочетание существительного склонения с основой на согласный, ср. р., ед. ч., Местн. падежа и неопределенного местоимения ср. р., ед. ч., Местн. падежа.

Однако сообщенные общие и специфические семы входят в круг собственных значений номинаций, отсылаемых горизонтали текста и важных для структурообразования.

В вертикаль же адресуется релятивная сема действия ранга класса активных форм глагола. По сравнению с лицом и действующим лицом она намечает более четкий “разрез” текста по вертикальному времени. Любопытно, что отнесенность рассматриваемого способа центрации действием именно к категории текстового времени подчеркивает лексический именной темпоратив “по времени некоторемъ”.

Элементы левой стороны цитаты развивают построение текста по релятивной семантике действия. Но они уже стабилизируют эту тенденцию целым рядом релятивов текстового времени. Их отход от древней локальной дейктивности и освоение функции текстового темпоратива подтверждается этимологически.

В индоевропейских параллелях по этимону **чъ* *-че* у “*таче*” просматривается связь с пространственными значениями замещенного лица “*къто*” и предмета “*что*”: др.-инд. *cid*, энкл. част., авест. *čit* ср. р. *čis* м. р., греч. *tí* – “что”, *tís* – “кто”.

Компонент *-че* постепенно становился связанным. В составе специализированных образований он обнаруживает вторичные темпоцентриально обусловленные семы отрицания (др.-русс., ст.-слав. *ничъто (же)*), причины (чеш. *proč*, польск. *zacz* – “за что”), а также собственно времени (др.-русс. *нынеча*, *давеча*).

По этимону **ть -та-* форма “*таче*” в индоевропейских изоглоссах соотносится с местоимением пространственного указания: лит. *tas*, *tā* – “тот”, др.-инд. *tá-*, *tā-* – “этот”, авест. *ta-* – “этот”, сербохорв. *tāj*, *tā*, *tō* – “тот, этот”,

чеш. *ten*, *ta*, *to* – “этот”, польск. *ten*, *ta*, *to* – “этот, эта, это”.

В виде связанной морфемы **ть -та-* постепенно осваивает вторичные темпорально ориентированные значения собственно времени (лит. *tuojau* – “тотчас”, гомер. *τῷ* – “тогда”, др.-инд. *tāt* – “вследствие этого”), актуализации (болг. *та* – “и, так”), исчисления (сербохорв. *та-та* – “как, так и”), альтернативы (словен. *tā* – “да, однако”).

Реализация у “*таче*” функции текстового темпоратива в модусах “сначала-затем-потом” очерчивается и переводом: *таче походивъ стая та места – сначала Варлакий побывал в священных местах Иерусалима*.

Форма “*накы*” в индоевропейских фактах тоже обнаруживает семантику пространственной дейктивности: др.-инд. *ārākas* – “в стороне, позади”. Параллели славянского ареала свидетельствуют о развитии у “*накы*” новых темпорально связанных сем альтернативы и повторяемости: болг. *пак*, сербохорв. *pāk*, *pā* – “но, ведь, снова”, словен. *pāk*, *pā* – то же, чеш. *pak* – “не”, в.-луж. *pak* – “но, снова”.

Роль текстового темпоратива “*накы*” в описываемом повествовании высвечивается переводом: *и накы по времени некоторемъ иде въ костянтинъ градъ – затем Варлакий отпавился в Константинополь*.

При нарастании темпоральной специализации полисемантическая как “*таче*”, так и “*накы*” продолжала сохраняться. Это видно в разбросе вторичных темпорально вызванных значений актуализации, исчисления, повторяемости, альтернативы, собственно времени. В связи с таким обстоятельством для выстраивания действий в модусах вертикального текстового времени писец использует более десемантизированный в отношении древней пространственной указательности текстовый темпоратив “*и*”.

Присоединив “*и*” сначала к “*накы*”, писец в третьем эпизоде попытался удовлетвориться именно этим релятивом: *и искоупивъ*. Однако исчисляющие “мотивы” “*и*”, как и “*же*”, “работали” в тексте лишь на принципе близкого действия реальных во времени. Широкие “шаги” дальнедействия, столь необходимые для построения текста, оставались для этих скреп вне досягаемости. Поэтому при переводе третьего фрагмента цитаты “*и*” можно опустить: *и искоупивъ еже на пользу манастирю своему... [] Купив в Константинополе необходимое для манастиря, Варлакий...*

Понятно, что действия, совершавшиеся с интервалом, вводились в вертикаль текста бла-

годаря “*таче*” и “*накы*”. Поэтому, ограничившись одним употреблением независимого “*и*”, писец снова переходит к форме широких темпоральных “шагов” – “*тако*”, оставив, правда, при ней скрепу счета “*и*”.

Группа “*и тако*” выравнивает линию модусов текстового времени “сначала-затем-потом”, отчасти скомпрессированную “*и*”. Сочетание “*и тако*” также реализует в повествовании о Варламии значение текстового темпоратива. Однако уже не в соответствии с исчислением в области близкодействия реалий, а в связи с последовательностью в сфере дальнейшего действия блоков информации. Эта роль “*и тако*” была подготовлена предшествующей эволюцией.

В изоглоссах *та-* у “*тако*” через этимон **т*ь обнаруживается семантика пространственного дейксиса: лтш. *tas, tā* – “тот”, др.-инд. *tá-, tā-* – “этот”, авест. *ta-* – “этот”.

Как связанная морфема, *та-* проявляет новые темпоральные значения: лит. *tuojau* – “тотчас”, гомер. *τῷ* – “тогда”, др.-инд. *tāt* – “вследствие этого”.

В параллелях *-ко* у “*тако*” благодаря этимону **к*ь прослеживаются пространственные семы замещения лица “*к*то” и предмета “*что*”: лит. *kas* – “кто”, лтш. *kas* – “кто, что”, др.-инд. *kás, ká* – “кто”, авест., др.-перс. *ka, kā* – “кто, который”, греч. гомер. *τεός* – “кого, чей”, атт. *τοῦ* – “чей”, алб., *ruí, raí, rud*, умбр. *roí*, гот. *Iuás, Iuób*, д.-в.-н. *hwaz* – “что”.

В статусе обусловленного морфа *-ко* в истории утрачивает роль локального дейксиса и получает темпорально обусловленную сему выделения: авест. *kaṃ* – “ради”. Видимо, с этим значением *-ко* и входит в слово “*тако*”.

Акцентирование у “*тако*” в описываемом повествовании функции текстового темпоратива можно высветить переводом: *и тако поиде на конихъ въ страну свою – далее Варлабий возвратился на родину.*

Завершает ряд средств выражения темпоратива центрации текста по теме тактовых групп сочетание “*таче яко*”. Оно тоже реализует в повествовании значение текстового темпоратива в модусах вертикального текстового времени.

Объединение “*таче*” с полисемантическим “*яко*” объясняется актуализацией у последнего временной семантики. Ее развитие у “*яко*” подтверждается этимологически.

Судя по истории форманта “*я*”, у “*яко*” когда-то могло быть значение пространственного дейксиса: др.-инд. *a-sáu* – “тот”, греч. *ἐκεῖ* – “там”.

Далее, в широком ареале индоевропейских языков “*яко*” обнаруживает вторичные семы временной ориентации – обусловленности (болг. *ако* – “если”), уступительности (чеш.стар. *ако* – “хотя”), актуализации (чеш. *jako* – “как”).

Реализация у “*таче яко*” в анализируемом повествовании функции текстового темпоратива в модусах “сначала-затем-потом” “мерцает” и в переводе: *таче яко доиде града володимирия – потом Варлабий направился во Владимир.*

В эксперименте выстроенность отрывка о Варламии в векторах вертикального времени можно представить следующим метатекстом:

(сначала) – *таче* – *Варлабий побывал в священных местах Иерусалима,*
(затем) – *и накы* – *он отправился в Константинополь,*
(далее) – *и тако* – *Варлабий возвратился на родину,*
(потом) – *таче яко* – *он направился во Владимир.*

Сохранение обертонов древних значений локального дейксиса, обилие вторичных темпорально связанных сем, богатый репертуар текстовых темпоративов разной степени специализированности позволяют говорить лишь о становлении как самого способа центрации пространства временем, так и форм его выражения.

Ориентация сообщенных релятивов на смысловой уровень текстового времени, нечеткость их специализированных значений возвращали историческую память писца к более традиционным средствам организации текста, а именно – текстовым локативам:

(градъ иероусалимъ) – *та* – *места,*
(въ костянтинъ градъ) – *и тоу тако же* – *походи вся манастиря,*
(града володимирия въ манастирь) – *тоу* – *соущи близъ города,*
(въ манастирь) – *тоу же* – *оуъне.*

Сообщенные факты требуют возвращения к ранее оговоренным тенденциям в древнерусском текстообразовании. В частности, в жанровых формах “удельный вес” категории пространства оставался достаточно высоким.

Это было видно по частотности субститутов номинаций объектов реального пространства – лица (*томуу, емоу, ономоу*) и предмета (*темь, томь*).

Это было заметно по употребительности форм настоящего времени (*есть*), подчерки-

вавших одновременность-совмещенность реалий в пространстве.

На это же указывал распространенный хронотоп “*се*”, далеко не утративший сему пространственного дейксиса “здесь” и обычно коррелировавший с образованием “*есть*”.

Следует упомянуть и то, что средства выражения пространства в жанровых формах тяготели к рематической зоне синтагм. Это обязывало в онтологии анализа от темы к реме ставить акцент на развертывание предикативных групп от более выстроенной в вертикали ремы к еще не совсем устойчивой по формам предьявлению теме.

В интенсивном формировании как способов, так и средств организации текста по теме уже в жанровых формах прослеживалось изменение смыслового и семантического равновесия категорий пространства и времени в сторону больших приоритетов последней.

В этот процесс, безусловно, включается и текстообразование композиционных форм речи. Менее подверженные влиянию жанровых традиций, они с опережением осваивают центриацию текста временем.

В результате появился широкий круг уже сообщенных текстовых темпоративов (*таче* и др.). Они последовательно маркируют начало тактовых групп и в итоге формируют вертикаль текста по тематической области.

С учетом изложенных обстоятельств были изменены акценты в анализе композиционной формы речи повествования. Его комментирование начинается с внимания к теме предикативных единиц и выстроенности вертикали частотными релятивами темпоральности.

В эволюции они достаточно удалились от пространственной дейктичности. Доказательства этому находим не только в этимологии, морфемной связанности, переводе как приеме семантизации текстовых темпоративов. Важно и движение текстоформирования от вектора настоящего (*есть*), фиксирующего совмещение реалий в пространстве, к модусу прошедшего (*быше*), организующему рассредоточение реалий во времени.

Однако отход от изоморфности пространства и времени и в повествовании о Варламии выглядит далеко не завершенным. Ведь с переключением текста на план прошедшего реалии остаются близкодействующими. Они оказываются распределенными лишь в закрытом ряде модусов горизонтального времени малых “шагов”: “быть раньше – быть позже”.

Слабая релятивность пространственного близкодействия отчасти уже преодолевается

благодаря скрепам (*таче* и др.), рассредоточивающим реалии в открытом ряде векторов дальнедействующего вертикального времени: “сначала-затем-потом” и т. д.

Вместе с тем локальность близкодействия реалий и в плане прошлого все еще дает о себе знать. Поэтому для их организации в вертикали текста писец использует более архаические текстообразующие средства, а именно – текстовые локативы “*та*”, “*тоу*”.

В левой части цитаты находятся формы неодинакового категориального значения: субстанциональности (*градъ, иероусалимъ, манастырь*) и признаковости (*костянтинъ, володимиря*).

Их частеречные характеристики также не отличаются единством: существительные (*градъ, манастырь*) и притяжательные прилагательные с суффиксами -ин-, -j- (*костянтинъ, володимиря*).

Падежные формы рассматриваемых образований не сходны: винительный (*въ градъ, въ манастырь*) и родительный (*града*). В виде согласовательных признаков эти падежи присущи и прилагательным: винительный (*костянтинъ*), родительный (*володимиря*).

Их синтаксические функции тоже разные: объектно-обстоятельная (*въ градъ града, въ манастырь*) и определительная (*градъ – иероусалимъ, въ костянтинъ – градъ, града – володимиря*).

Кроме дифференцирующих, описываемые номинации имеют и интегрирующие синтаксические признаки: мужской род, единственное число, а также неодушевленность.

Сообщенные специфические и общие черты форм левой части цитаты входят в число их собственных значений. Они адресуются структурообразованию горизонтали тактовых групп.

В вертикаль текста могла бы отсылаться релятивная сема лица ранга класса активных имен (*костянтинъ, володимиря*) или предметности ранга класса неактивных форм (*въ градъ, града, въ манастырь*). Но, как уже говорилось, конкретная пространственность значения лица не давала возможности ему иррадиировать на значительный объем текста.

В еще большей степени свернутыми оказываются текстопорождающие потенции релятивной семантики предметности. Она расщепляется на ряд конкретных лексических значений объектов пространства и замыкается на структурообразовании синтагм горизонтали.

Для преодоления этой конкретности писец вводит в текст формы замещенной локально-

сти: *въ градъ – та, въ градъ – тоу, града – тоу, въ манастирь – тоу.*

Образования “*та*”, “*тоу*” получают в повествовании о Варламии роль текстового локатива. Его исконная связь с пространственным дейксисом подтверждается этимологически.

Аккузатив “*та*” среднего рода, множественного числа от “*то*” в индоевропейских параллелях обнаруживает нечетко дифференцированное по векторам “этот – тот” значение пространственного указания с доминированием по ареалу распространения модуса “этот” : др.-инд. *tā-*, *tā-* – “этот”, авест. *ta* – “этот”, греч. *tó*, лат. *is-tud*, тохар. *A tām* – “это”, гот. *Paṅa* – “этого”, *Paṅa* – “это”, сербохорв. *tāj*, *tā*, *tō* – “тот, этот”, чеш. *ten*, *ta*, *to* – “этот”, лит. *tàs*, *tà* – “тот”, лтш. *tas*, *tā* – “тот”.

В рассматриваемом повествовании “*та*” сохраняет диффузность модусов “это – то” : *походивъ стая – та – места.* Перевод: *Побывав в – тех – (прославленных) – в – этих – (наблюдаемых во время путешествия) местах, Варлаамий...*

Наречие “*тоу*” через этимоны **tu*, **tu-to* в индоевропейских изоглоссах издавна соотносилось с уже рассмотренным указательным местоимением “*то*”. В эволюции “*тоу*” отходит от дейксиса на лицо или предмет и специализируется на замещении собственно объекта пространства.

Модусы указания “тут – там” у “*тоу*” выступали не вполне дифференцированными, хотя по ареалу их реализаций доминировал вектор “тут” : болг. *ту-ка* – “здесь, сюда”, сербохорв. *ту* – “там, тут”, словен. *tù* – “здесь”, чеш. *tu*, *tuto* – “вот, здесь”, польск. *tu*, *tuta*, *tutaj* – “тут, здесь”, в.-луж., н.-луж. *tu* – “здесь”.

В описываемом тексте о Варламии синкретичность семантики “*тоу*” продолжает иметь место: *въниде въ манастирь – тоу – соуции близъ города. – тоу же – оусъпе съ миръмь.* Перевод: *Варлаамий возвратился – туда – во Владимир и – здесь – в манастире умер.*

Диффузность сем “там – тут” у “*тоу*” заметна и в другом фрагменте: *иде въ костянтинъ градъ – и тоу тако же – походи – вся манастиря.* Перевод: *Варлаамий отправился в Константинополь и – там – тут – побывал во многих манастирях.*

Для усиления релятивности и текстовых возможностей семы предмета ранга класса неактивных имен уже в жанровых формах предпринималась попытка использовать субституты “*темь*”, “*томь*”. Но центрирование текста как по предметности, так и по собственно ло-

кальности, очевидно, было уже уходящим в прошлое. Доказательством тому в повествовании о Варламии является нечеткая приуроченность текстовых локативов “*та*”, “*том*” к теме или реме высказываний и их связанность с темпоративами.

В частности, подчиняясь общей тенденции выстраивать вертикаль по теме, релятивы локальности используются в препозитивном по отношению к главной части причастном обороте: *таче походивъ стая – та – места възврати ся въ свои манастирь.* В нем локативы уступают инициацию темы текстовому темпоративу “*таче*”, тяготея к зоне ремы внутри причастной группы.

Далее, релятивы локальности могут занимать промежуточное, то есть одновременно и рематическое, и тематическое, положение на стыке тактовых групп, стирая их графические границы в виде точки: *и пакы по времени не которемъ иде въ костянтинъ градъ – и тоу тако же – походи вся манастиря.*

В этой позиции локатив “*тоу*” тоже сопровождается текстовыми темпоративами “*и*”, “*так*”, “*же*” разной степени десемантизации в отношении древнего пространственного дейксиса и неодинаковой специализации в плане вторичных темпорально обусловленных значений: *и* – исчисление в вертикали близкодействующих, *таче* – организация в вертикали дальнедействующих, *же* – актуализация в вертикали близкодействующих реалий.

Наконец, релятивы могут находиться в постпозитивном рематическом причастном обороте (*въниде въ манастирь – тоу – соуции близъ города.*) или постпозитивной рематической главной части сложной структуры (*таче яко доиде володимирия. – тоу же – оусъпе съ миръмь.*). Однако в этих группах текстовые локативы также стремятся занять инициальную тематическую позицию, тем самым устраняя графические границы – точку – между тактовыми группами (*въниде въ манастирь тоу соуции близъ города.*), или подключаются к текстовому темпоративу *же*, актуализирующему близкодействующие реалии.

“Неустроенность” текстовых локативов в тема-рематическом развертывании синтагм повествования о Варламии подтверждается аккумуляцией почти каждым из них сем разнонаправленного дейксиса, а именно – обратногонаправленного (*въ градъ иероусалимъ ← та, въ костянтинъ градъ ← тоу, града володимирия ← тоу, въ манастирь ← тоу*) и прямонаправленного (*та → места, тоу → манастиря, тоу → близъ города*).

Понятно, что, не успев обобщить конкретные значения имен пространственных объектов (Иерусалим, Константинополь, Владимир, монастырь) в препозиции к себе, релятивы локальности “*та*”, “*тоу*” сразу же “растаются” с отвлеченной семантикой факта замещенного пространства, рассредоточивающейся по образованиям пространственности в постпозиции к ним.

В итоге локативы выступают в повествовании о Варламии уже больше традиционным знаком искони более рельефного способа центрации текста фактом пространства. В частности, семантически релятивы локальности достаточно опустошены. Они делегировали свои значения компонентам горизонтали синтагм, вступившим в линейные отношения уточнения, и по существу оказались избыточными: *иероусалимъ: стая места, костянтинъ градъ: вся монастыря, града володимирия: въ монастырь*. Последующее текстообразование регулярно к ним уже не возвратится.

Темпоцентрация и фактоцентрация не исчерпывают эшелонированную организацию вертикалей повествования о Варламии. В вербальном предъявлении ее завершает *антропоцентриция*, выражаемая притяжательным “*свои*” и возвратными энклитическими “*ся*”, “*си*” местоимениями замещенного субъекта:

<i>възврати</i>	– <i>ся</i> ,
<i>(въ монастырь)</i>	– <i>свои</i> ,
<i>монастырю</i>	– <i>своемоу</i> ,
<i>въ страну</i>	– <i>свою</i> ,
<i>въ странахъ</i>	– <i>своихъ</i> ,
<i>(въ странахъ)</i>	– <i>си</i> .

В левой части цитаты группируются слова разных частей речи: глагол (*възврати*) и существительные (*монастырю*, *въ страну*, *въ странахъ*).

Они различаются по категориальной семантике, обозначая действие (*възврати ся*) и объекты пространства разного объема (*въ странахъ*, *въ страну*, *монастырю*).

Несходными эти образования выступают и по синтаксемным признакам: форма прошедшего времени, единственного числа (*възврати ся*), номинации склонения с основой на *-ā*-долгое, ж. р., Местн. пад., мн. ч. (*въ странахъ*) и ед. ч. (*въ страну*), образования склонения с основой на *-jō*- краткое, м. р., ед. ч., Дат. пад. (*монастырю*).

Отмеченные параметры нетождественности элементов левой стороны цитаты уходят и глубже, проникая на уровень сем ранга классов слов. По этому критерию в ряде слева домини-

рует класс инактивных имен (*въ странахъ*, *въ страну*, *монастырю*).

Текстовые иррадиации значения объекта пространства крайне свернуты. Их выстроенность в вертикали градацией объемов тоже сбивчива: *монастырь – монастырю – въ страну – въ странахъ*.

И все же вопреки всему подключение их в текст состоялось. Причина этого кроется в компонентах правой стороны цитаты.

Она интегрирует местоимения, организующие объекты неотчуждаемой принадлежности (*въ свои ← монастырь*). Именно эта релятивная сема ранга класса неактивных имен и подкласса неотчуждаемых объектов группирует номинации слева в вертикаль текста.

Ее выстраивание по релятивному значению неотчуждения реалий затрагивает не только объекты пространства, но и действия. Но в последнем случае неотчуждаемость выступает в виде центростремительной направленности действия на субъект (*възврати ← ся*).

В конечном счете релятивные семы неотчужденности лица и возвращения к нему действия подготавливают этап отождествления субъекта как самостоятельного источника действия. Функция идентификации действителя у местоимений “*свои*” и “*ся*” прослеживается и по индоевропейским параллелям.

Слово “*ся*”, судя по этимону **se*, давно и в широком ареале индоевропейских языков освоило роль отождествления субъекта “*я*”: др.-прусс. *sien* – “себя”, лат. *sē, sibi*, гот. *si-k* – “себя”, болг. *се*, сербохорв. *се*, словен. *se*, др.-чеш. *še*, чеш. *se*, слов. *sa*, польск. *się*, в.-луж. *so*, н.-луж. *se*.

Через этимоны **sve-*, **se-* форма “*ся*” пересекалась в эволюции с местоимением “*свои*”: греч. *’ε* – “себя”.

В индоевропейских изоглоссах у “*свои*” издавна была заметной семантика неотчуждаемого объекта от лица: др.-инд. *svas* – “собственный”, авест. *хуа-*, др.-перс. *uva-* – “собственный”, гот. *swēs* – “собственный”, д.-в.-н. *swīo, geswīo* – “брат жены, тесть, свояк”.

Ярким проявлением исконной связанности “*ся*” и “*свои*”, а также диффузности сем неотчуждаемого объекта и возвращаемого на субъект действия является употребление еще одного функционального аналога “*ся*” – энклитического местоимения Дат. пад., ед. ч. “*си*” при форме “*свои*”: *лидыи же поутьмь и оуже въ странахъ своихъ – си. – въпаде въ недоугъ луть*.

Синкрета “*си*” объединяет в себе как значение действия “был”, так и сему замещенного лица “Варлаамий”, что подчеркивает неотчужденность действия от субъекта, направленность его на исполнителя и статус последнего как его носителя. Перевод: *Возвращаясь из Константинополя и будучи (“он” + “был”) уже на территории своей страны, Варлаамий тяжело заболел.*

Однако отнесенность “*ся*”, “*си*”, “*свои*” к разным разрядам (*ся*, *си* – возвратные, *свои* – притяжательное), их несходная приглагольная (*възврати* ← *ся*), приименная (*въ страну* – *свою*) и приместоименная (*своихъ* – *си*) позиция, приуроченность к рематической области синтагм (. и *такъ поиде на конихъ въ страну* – *свою*) явно указывают на архаичность такого приема отождествления субъекта и самого способа организации пространства текста антропностью.

По существу идентифицирующую роль уже берет на себя именительный падеж (*варлаамий*), который постепенно нейтрализует центрацию текста по объекту реального пространства – лицу.

Как видим, в онтологии тема-рематического развертывания отрывка о Варлаамии имеет место эшелонированное центрирование текста в направлении от темпоцентрации (*таче* и др.) к фактоцентрации (*тоу* и др.) и антропоцентрации (*свои* и др.).

В историческом рема-тематическом становлении фрагмента антропоцентриция и фактоцентриция предшествуют темпоцентрации.

Помимо специализированных “*ся*”, “*си*”, “*свои*”, антропоцентриция пространства повествования о Варлаамии задается также личными окончаниями глаголов и родовыми финалями кратких действительных причастий. Они имеют во многом сходные контекстные расшифровки, высвечивающие главного персонажа – Варлаамия.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что тождество декодировок окончаний глагольных форм совсем не связано с четким структурированием финалями значения лица. Сходство толкований обеспечивается экстралингвистическими факторами, а именно – доминирующей моносубъектностью повествования. По сути это уже не тождество раскрытий, а их совпадение:

<i>възгради</i>	– (онъ), князь,
<i>иде</i>	– (онъ), Варлаамий,
<i>походивъ</i>	– (онъ), Варлаамий,
<i>възврати ся</i>	– (онъ), Варлаамий,
<i>искоупивъ</i>	– (онъ), Варлаамий,

<i>идьи</i>	– (онъ), Варлаамий,
<i>соуции</i>	– (онъ), монастырь,
<i>оусъне</i>	– (онъ), Варлаамий.

Компоненты левой стороны цитаты имеют много общих черт. Это слова одной части речи – глаголы (*възгради*, *иде* и др.) и их формы – причастия (*походивъ*, *искоупивъ* и др.).

У них сходная категориальная семантика действия и признака по действию. Обозначают они преимущественно прошедшее время, причем глаголы – основной, а причастия – суффиксами. Относятся почти все к классу активных форм.

Однако данные образования группируются в вертикали текста не местоимением замещенного лица “онъ”, а темпоративами (*таче* – *походивъ* и др.), локативами (*тоу же* – *оусъне* и др.), субъективами (*възврати* – *ся*).

Следовательно, собственные лексическое, временное, акциональное значения глагольных номинаций выступают малорелевантными. Они делегируются прежде всего горизонтали синтагм, реализуясь в модусах близкодействия реальных “быть раньше – быть позже”.

Центрация по 2-му и 1-му лицу в силу моносубъектности повествования о Варлаамии не просматривается. Не предоставляет этот текст и повода для обсуждения таких способов организации текста, как *логоцентриция* и *аксиоцентриция*.

Итак, в данных рассмотренного и иных текстов, о которых говорится в нашей книге “Проблемы исторической лингвистики текста, Воронеж, 2004”, доказывается реальная системность речи (отличающаяся от моделируемой системности языка) по таким параметрам, как структура (уровни: межжанровый, внутрижанровый, внутритекстовый, уровень слова и исторический план), отношения (функциональная иерархия, функционально-речевая синонимия, нейтрализация, полифункциональность и преемственность) и функции (выражение антропоцентриции семантического пространства, фактоцентриции, темпоцентриции, логоцентриции, аксиоцентриции и их разновидностей).

Следовательно, любое слово в тексте по несерийности и различительному означиванию остается фактом языка, а по серийности и сходному означиванию выступает фактом речи. При этом текст предстает как поле взаимодействия и реального обнаружения языка и речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Г.С. Степанова/ Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – С. 69-96.
2. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. –Т. 1. – С. 267-368.
3. Гардинер А. Различие между “речью” и “языком” // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / А. Гардинер. – М.: Просвещение, 1960. –Ч. П. – С. 13-20.
4. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – С. 265-482.
5. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
6. Кубрякова Е. С. О понятиях языковой системы и структуры языка / Е. С. Кубрякова, Г. П. Мельников // Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1972. – С. 8-91.
7. Ломтев Т. П. Язык и речь // Общее и русское языкознание: Избранные работы / Т. П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – С. 54-60.
8. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста / Под ред. Т. М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – 480 с.
9. Попова З. Д. Общее языкознание: Учебное пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. – С. 98-152.
10. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Под ред. А.А. Холодовича / Ф. де Соссюр – М.: Прогресс, 1977. – С. 98-175.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964 – 1973. – Т. I–IV.

Рецензент – И. А. Стернин.